

F $\frac{86}{110}$

000
110

Н. Минскій.

**О свободѣ
религіозной совѣсти.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Колпинскаго, Конная ул., д. № 3—Б.

1902.

86 / 110
Н. Минскій.

О свободу
религіозной совѣсти.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная ул., д. № 3—Б.

1902.

Печатать разрешается 1902 г. мая 9-го Старшій духовный цензоръ
Архимандритъ Антонинъ.

2007054660

О свободѣ религіозной совѣсти.

Въ спорѣ о религіозной терпимости четыре заинтересованныхъ стороны: государство, церковь, интеллигенція и народъ.

Народъ, въ лицѣ расколосектантовъ, заинтересованъ въ этомъ вопросѣ болѣзненно и кровно. До его сознанія отвлеченные принципы о свободѣ вѣры доходятъ въ видѣ полицейскихъ протоколовъ, штрафовъ, тюремнаго заключенія и ссылки. Интересъ государства практической и дѣловой: оно даетъ судебно-полицейскую санкцію истинамъ православной церкви, которая въ свою очередь даетъ свою религіозную санкцію устоямъ самодержавнаго государства. Интересъ церкви идеальный, насколько она заботится о чистотѣ народнаго вѣросознанія, и практической, насколько она борется за положеніе священства, которому расколо сектанство угрожаетъ вѣдь не только нравственно, но и матеріально.

Интеллигенція, въ свою очередь, заинтересована двояко: и какъ печальница народа, и какъ защитница свободомыслія. Изъ одного этого перечня интересовъ видно, что вопросъ о религіозной совѣсти есть какой-то центральный нервный узелъ нашей духовной жизни и становится понятнымъ, почему обсужденіе этого вопроса

всегда будить столько страстей, какъ это мы видѣли, напимѣръ, въ печати въ прошломъ году по поводу рѣчи г. Стаховича, и также въ петербургскихъ религиозно-философскихъ собраніяхъ по поводу реферата на эту тему С. Волконскаго.

Въ этихъ спорахъ не участвовали двѣ стороны: слишкомъ активное государство не нисходитъ, а слишкомъ пассивному народу не даютъ подняться до гласнаго обмѣна мнѣній. Только церковь и интеллигенція, будучи обѣ какъ бы не у дѣль, играя роль первая—эксперта, а вторая—наблюдательницы, находятъ достойнымъ себя и возможнымъ мыслить вслухъ и убѣждать другъ друга. Зачинщицей спора является интеллигенція. Церковь консервативна, неподвижна; интеллигенція же будить ее и зоветъ на новые пути,—и, конечно, на интеллигенціи лежитъ обязанность убѣждать и доказывать. Этой своей роли она, къ сожалѣнію, не понимаетъ и въ спорахъ съ церковью не убѣждаетъ, но полемизируетъ. Дѣло здѣсь не въ рѣзкости тона, но въ особенномъ отношеніи къ противнику. Полемизирующій обыкновенно убѣждаетъ не своего противника, котораго заранѣе считаетъ отпѣтымъ, а кого-то третьяго на его счетъ. Почти всѣ представители интеллигенціи, пишущіе о свободѣ совѣсти, считаютъ свою истину очевидной, не нуждающейся въ доказательствахъ. По ихъ мнѣнію, церковь сама убѣждена въ необходимости предоставить всѣмъ сектамъ свободу исповѣдованія и пропаганды; если же она высказывается вслухъ за преслѣдованіе сектантства, то дѣлаетъ это будто бы не по убѣжденію, а вслѣдствіе страха или угодливости передъ государствомъ. Убѣждать церковь излишне: ее остается лишь стыдить.

Я лично считаю свободу религиозной совѣсти величайшимъ благомъ жизни и соотвѣтственное измѣненіе законодательства—неотложной реформой, отъ которой болѣе, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ, зависитъ наше будущее. Но отношеніе къ этому вопросу со стороны интеллигенціи кажется мнѣ не вѣрнымъ и не глубокимъ. Наши свѣтскіе писатели говорятъ о религиозной реформѣ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ, напримеръ, объ отмѣнѣ паспортной системы. По ихъ словамъ выходитъ какъ-то, что слѣдуетъ предоставить каждому гражданину право свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто и, между прочимъ, право передвиженія изъ религіи въ религію, изъ секты въ секту. Самый задоръ, съ какимъ свѣтскіе писатели говорятъ о свободѣ совѣсти, чуть ли не объясняется недоумѣніемъ, которое они испытываютъ при мысли, что вотъ преслѣдуютъ людей за такія въ сущности невинныя и безразличныя вещи, какъ ихъ религиозныя убѣжденія.

Не столь простымъ и легкимъ представляется вопросъ о свободѣ совѣсти съ точки зрѣнія вѣрующаго. Чѣмъ искреннѣе вѣра человѣка, тѣмъ этотъ вопросъ долженъ ему казаться мучительнѣе. Порой невольно спрашиваешь себя, ужъ не находимся ли мы передъ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ, передъ одной изъ тѣхъ антиномій, которыя избороздили нашу духовную жизнь, подобно бездоннымъ оврагамъ. Въ метафизикѣ существуетъ такая бездна въ проблемѣ о свободѣ воли, и сущность ея общеизвѣстна. По внутреннему сознанію, воля свободна: хочу, дѣлаю такое-то движеніе; не хочу, не дѣлаю. Но по свидѣтельству разума всякое явленіе есть необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ причинъ и, слѣдовательно, всѣ акты моей воли необходимы и не

могутъ считаться ни добрыми, ни злыми, а лишь полезными и вредными. Почти такой же неразрѣшимой проблемой представляется вѣрующему вопросъ о свободѣ совѣсти. По внутреннему сознанию религіозная совѣсть безусловно свободна. Никакое внѣшнее и даже внутреннее насиліе — насиліе собственной мысли не въ состояніи заставить меня вѣрить не такъ, какъ мнѣ вѣрится. Внутреннее отношеніе къ Богу нельзя опредѣлить извнѣ. Искренность чужого убѣжденія, нравственный примѣръ,— вотъ что еще въ силахъ повліять на мою религіозную волю, смягчить ее. Но малѣйшее дуновеніе мстительнаго пресѣченія или разсудительнаго предупрежденія неизбежно ее ожесточаетъ. Для внутренняго сознанія религіозное насиліе не только не справедливо, но и безцѣльно, противоцѣльно. Оно— преступленіе и противъ нравственности, и противъ разума. „Если я не правъ, докажи мнѣ, а если я правъ, за что ты бьешь меня?“— вотъ, казалось бы, вѣчная, на всѣ времена данная формула истинно христіанскаго отношенія къ ереси и сектантству.

Такъ рѣшается для вѣрующаго вопросъ о свободѣ совѣсти во внутреннемъ сознаніи. Но все мѣняется, когда отъ внутренняго сознанія переходимъ въ міръ внѣшняго опыта. Исповѣданіе какого бы то ни было религіознаго ученія неразрывно связано съ его пропагандой, и въ этомъ весь мучительный узелъ вопроса. Если бы сектантъ заблуждался только для себя, церковь не стала бы его беспокоить. Забота Торквемады о спасеніи грѣшника противъ его воли чужда нашему времени; въ этомъ смыслѣ свобода исповѣданія принадлежитъ каждому, хотя съ точки зрѣнія вѣрующаго это не болѣе какъ свобода гибели. Но вѣдь сектантъ

опасень не только для себя. Онъ, по убѣжденію вѣрующаго, очагъ духовной лжи. И если предоставить ему свободу дѣйствія, онъ заразитъ своей ложью безпомощныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ сыновъ истинной церкви. Въ этомъ смыслѣ правы тѣ, кто приравниваетъ свободную пропаганду сектантства къ свободной продажѣ опиума; съ равнымъ правомъ можно приравнять ее къ свободному распространенію заразныхъ болѣзней. И если противъ холеры и чумы учреждаются карантинныя и принимаются карательныя мѣры, то почему церковь, любя своихъ дѣтей и болѣя о нихъ, не обязана защищать ихъ отъ заразы духовной? Сектантство уже не въправѣ возражать словами Христа: „если я не правъ, то скажи, въ чемъ я не правъ“. Удастся ли церкви, путемъ миссіонерскаго убѣжденія, возвратить сектантовъ на путь истинный или не удастся, здоровые члены церкви въ этомъ неповинны. Казалось бы, наоборотъ: чѣмъ ересь упорнѣе и труднѣе поддается убѣжденію, чѣмъ болѣзнь неизлѣчимѣе, тѣмъ строже должны быть принимаемыя противъ нея распространенія мѣры. Получается такимъ образомъ неразрѣшимое противорѣчіе: во внутреннемъ сознаніи свобода совѣсти—неопровержимая истина; во внѣшней дѣятельности свобода совѣсти—нелѣпость и жестокость. Противорѣчіе это не существуетъ для свободомыслящаго интеллигента, для котораго всѣ религіозныя ученія безъ различія имѣютъ лишь субъективную достовѣрность. Вѣрующій же убѣжденъ въ объективной истинѣ—и слѣдовательно благодети своего ученія, и въ объективной лживости—и слѣдовательно злѣ всѣхъ другихъ ученій. И признавать свободу пропаганды ереси чѣмъ-то желательнымъ—для него то же самое, что признавать зло благомъ.

Еще болѣе мучительнымъ долженъ представляться вопросъ о свободѣ совѣсти для священника, ибо для него указанное противорѣчіе осложняется сознаниемъ личной отвѣтственности. Скажите огороднику, вспахавшему и засѣявшему гряды, чтобы онъ далъ свободу роста всѣмъ всходамъ, не обращая вниманія на то, взойдутъ ли овощи или сорныя травы, и онъ отвѣтитъ вамъ, что для него такая свобода равняется разоренію. Точно также для священника не безразлично, выростетъ ли на охраняемой имъ духовной нивѣ вѣра въ Христа или вѣра въ Данилу Филиппова. Нѣтъ сомнѣній, что священникъ будетъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы взростить первую и уничтожить въ корнѣ вторую.

Въ этомъ мѣстѣ разсужденія я слышу, какъ меня прерываютъ нѣкоторые сторонники свободы совѣсти, говоря: да, *усиліе* церковь должна употреблять всевозможное для доставленія побѣды православію, но — не *насиліе*. Внѣшнее физическое насиліе не совмѣстимо съ учениемъ Христа; насиліе не отъ Христа, а отъ антихриста, и церковь, прося государство или помогая государству принимать противъ сектантства мѣры насилія, протягиваетъ руку антихристу. Это положеніе, высказанное между, прочимъ, и на упомянутыхъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, было, помню, встрѣчено аудиторіей не только съ сочувствіемъ, но даже со вздохомъ облегченія, какъ неожиданный и, главное, легкій исходъ изъ труднаго положенія. Но мнѣ кажется, что если бы та же аудиторія поглубже вдумалась въ эту теорію, она бы отъ нея отвернулась. Въ самомъ дѣлѣ, теорія эта осуждаетъ и признаетъ дѣломъ дьявола всякое насиліе. Съ этой точки зрѣнія насиліе

надъ сектантами — такое же дѣло антихриста, какъ и борьба за свободу совѣсти, такъ что, напримѣръ, война Съверо-американскихъ Штатовъ за отмѣну невольничества должна быть признана фактомъ, заслуживающимъ порицанія. Но можно идти и дальше: Дмитрій Донской, свергая иго татаръ, служилъ дьяволу, а Сергій Радонежскій, благословляя его ряды на дѣло насилія, подавалъ руку антихристу. Подобные выводы едва ли оказались бы по душѣ и либерально настроенной аудиторіи, не говоря уже о томъ, что они претятъ здравому смыслу. Разрѣшать вопросъ о свободѣ совѣсти вопросомъ о насиліи все равно, что тушить огонь масломъ. Ибо, если первый, повидимому, представляетъ неразрѣшимое противорѣчіе, то второй несомнѣнно неразрѣшимъ: существуютъ государства, гдѣ свобода совѣсти — общепризнанный фактъ, но нѣтъ въ мірѣ ни одной страны, ни одного союза людей, гдѣ всѣ отношенія не покоились бы на санкціи принужденія, на насиліи. Вопросъ о насиліи, можетъ быть, самый трудный изъ всѣхъ, когда-либо порожденныхъ теоретическою совѣстью, и всякій приступающій къ нему вынужденъ молотить ту солому, которую на нашихъ глазахъ въ теченіе двадцати лѣтъ такъ усердно и такъ безплодно молотилъ Толстой въ своей теоріи о непротивленіи злу.

Помимо всего этого вопросъ о насиліи, какъ бы онъ ни рѣшался самъ по себѣ, неумѣстенъ въ спорѣ о свободѣ совѣсти, который интеллигенція ведетъ не съ государствомъ, а съ церковью. вмѣсто того, чтобы убѣдить церковь, что свобода совѣсти — благо, интеллигенція возраженіемъ о насиліи какъ бы хочетъ принудить церковь принять противъ воли свободу совѣсти,

проглотить ее, какъ невкусную микстуру, подь страхомъ быть обвиненной въ служеніи антихристу. Едва ли такое положеніе вещей желательно и возможно. Церковь вправѣ отвѣтить интеллигенціи, что никакихъ насильственныхъ мѣръ она не принимаетъ, но на вопросъ государства о томъ, что такое сектантство—она, церковь, въ качествѣ эксперта, по чистой совѣсти отвѣчаетъ: сектантство абсолютное зло. А уже затѣмъ само государство поступаетъ относительно этого зла такъ, какъ вообще оно поступаетъ со всѣмъ, что считаетъ противнымъ общему благу. Чтобы вернуться къ прежнему сравненію, церковь опредѣляетъ сектантство, какъ врачъ опредѣляетъ свойства чумы и также мало, какъ этотъ врачъ, достойна упрека въ служеніи насилію. До тѣхъ поръ, пока церковь будетъ убѣждена въ томъ, что сектантство — духовная чума, а свобода совѣсти—абсолютное зло,—всѣ побочные разговоры о государственномъ насиліи и о власти антихриста не измѣнять настоящаго, весьма грустнаго положенія дѣль. Въ томъ же, что представители церкви, за весьма малыми исключеніями, считаютъ свободу совѣсти зломъ, не можетъ быть сомнѣнія послѣ всего, что намъ пришлось прочесть и выслушать въ послѣднее время.

Наиболѣе искренно и ярко выразилъ мысль церкви архимандритъ Антонинъ въ рѣчи, прочитанной въ тѣхъ же религіозно-философскихъ собраніяхъ, какъ отвѣтъ на рефератъ кн. Волконскаго. Онъ не ограничиваетъ, не урѣзываетъ понятія о свободѣ совѣсти, но устраняетъ его цѣликомъ. Что такое свобода совѣсти? Возможность выбора между нѣсколькими и, по крайней мѣрѣ, между двумя религіозными истинами. Поэтому свобода совѣсти могла существовать среди языч-

никовъ, признававшихъ множество боговъ и множество религій; она возможна среди атеистовъ, равнодушно относящихся ко многимъ богамъ и многимъ религіямъ. Но въ лонѣ христіанства, знающаго только одну истину, нѣтъ выбора, а гдѣ возможность выбора исчезаетъ, свобода превращается въ звукъ пустой. Христіанство свободы совѣсти не признаетъ. Христіанство по своей природѣ экскоммуникативно, т. е. однимъ своимъ бытіемъ исключаетъ истинность всѣхъ возможныхъ религіозныхъ ученій. Христіанству достаточно знать, что какое-нибудь ученіе разнится отъ него,—и оно, не выслушавъ, вправѣ и обязано отвергнуть таковое, какъ ложь. Такъ именно православная церковь и относится ко всѣмъ иновѣріямъ и разновѣріямъ, къ ересямъ и сектамъ, не считаетъ ихъ ни чѣмъ-то равнымъ себѣ, ни чѣмъ-то младшимъ и подчиненнымъ, а просто отметааетъ. Архимандритъ Антонинъ справедливо устраняетъ вопросъ о насиліи. Православіе,—говоритъ, онъ,—давить не вяѣшней силой, а исключительностью своей внутренней правоты. Отъ того, какъ отнесется государство къ сектамъ, отношеніе къ нимъ церкви не мѣняется. Если государство откажется отъ преслѣдованія, церковь безропотно будетъ терпѣть ихъ, но такъ, какъ общество терпитъ въ своей средѣ падшихъ и преступныхъ. Здѣсь рѣчи не можетъ быть о сожитіи или о сосѣдствѣ. Вѣдь никто не назоветъ скребущихся въ его домѣ мышей сосѣдями или сожилъцами. Въ храмѣ православія завелась такая нечисть—разная штунда и хлыстовщина. Можно говорить о томъ, какъ и гдѣ жить этой нечисти, но не о выборѣ между нею и православіемъ, не о свободѣ совѣсти.

Мы должны быть благодарны архимандриту Анто-

нину за его искреннее и смѣлое слово. Въ сущности онъ повторилъ обычное, старое и къ тому же единственное возраженіе противъ свободы совѣсти, но сдѣлалъ это такъ ярко, что не только освѣтилъ новымъ свѣтомъ нашъ трудный вопросъ, но даже облегчилъ его рѣшеніе. Особенное значеніе придаетъ архимандритъ Антонинъ въ христіанствѣ моменту единобожія. Выборъ и свобода невозможны въ христіанствѣ потому, что оно признаетъ одного Бога, одинъ законъ, одно служеніе. Христіанство экскоммуникативно, потому что зиждется на Единомъ. Но разсуждая такимъ образомъ, архимандритъ Антонинъ говоритъ уже не только о христіанствѣ, но и о еврействѣ, также заложеномъ на основѣ Единого. И въ самомъ дѣлѣ, еврейство, за свою долгую историческую жизнь, оправдало свою нетерпимость, свою слѣпоту и глухоту по отношенію ко всѣмъ другимъ религіямъ тѣми же самыми доводами объ экскоммуникативности единой истины, какими въ наше время православная церковь желала бы оправдать свое нетерпимое отношеніе къ сектантству. Такъ разсуждало еврейство во всѣ моменты своей исторіи, такъ разсудило оно въ самый важный и роковой для него моментъ — при осужденіи и распятіи Христа. Первосвященники и фарисеи, какъ видимъ изъ евангелія, не разбирали ученія Христа и не судили его изнутри, а лишь установили фактъ несогласія Его ученія со своимъ закономъ. Разсуждали они слѣдующимъ образомъ. Богъ единъ. А вотъ является нѣкто, называющій себя сыномъ Божиимъ. Слѣдовательно, онъ соблазняетъ на гибель. Законъ единъ. А вотъ является нѣкто, говорящій: „вы слышали, что сказано древнимъ, а я говорю вамъ то-то“. Слѣдова-

тельно, онъ отрицаетъ законъ и долженъ быть наказанъ по закону. Храмъ единъ. А вотъ является нѣкто, говорящій, что разрушить и воссоздастъ этотъ храмъ. Слѣдовательно, онъ проповѣдуетъ ложь. Въ довершеніе аналогіи, синедрионъ самъ отъ насилія и казни отказался. Онъ лишь, какъ экспертъ въ дѣлѣ святыни, засвидѣтельствовалъ, что ученіе Христа—безусловное зло, ибо противорѣчитъ абсолютной и единой истинѣ: „Мы имѣемъ законъ и по закону нашему онъ долженъ умереть, потому что сдѣлалъ себя сыномъ Божиимъ“.

Такимъ образомъ, трудный вопросъ о свободѣ совѣсти пересталъ быть для насъ отвлеченной проблемой и воплотился въ историческое событіе, давно пережитое, принесшее плоды, по которымъ его легко судить. Вопросъ о свободѣ совѣсти сводится къ другому: въ чемъ заключалось заблужденіе фариисеевъ, осудившихъ Христа? Въ томъ ли, что они признавали единство Бога, божественность даннаго еврейскому народу закона, святость своего храма? Очевидно, не въ этомъ. Роковое заблужденіе еврейства заключалось въ томъ, что оно смѣшивало абсолютность и совершенство самого Бога съ абсолютностью и совершенствомъ своего человѣческаго пониманія Бога. Богъ самъ по себѣ единъ и, слѣдовательно, вѣчно равенъ себѣ и неизмѣненъ. Но человѣческое постиженіе Божьяго единства есть нѣчто мѣняющееся, исторически развивающееся, совершенствующееся. До пришествія Христа еврейскому народу единство Божіе открылось математически: Богъ—единный творецъ неба и земли и кромѣ него нѣтъ Бога. Съ пришествіемъ Христа единство Божіе раскрылось людямъ и мистически, какъ тріединство, и этимъ было

доказано, что человѣческое пониманіе Бога не исключительно-совершенно, какъ самъ Богъ,—не эскоммуникативно, а относительно—подвержено измѣненію и развитію. То же самое примѣнимо къ закону. Самъ по себѣ законъ, данный Моисею, и откровенія пророковъ были абсолютно истинны, но они таили предсказанія о Сынѣ Божіемъ, которыя стали понятны людямъ только со времени Его пришествія, а до того оставались скрытыми, какъ бы несуществующими для сознанія. Также и храмъ въ Иерусалимѣ былъ храмомъ Бога живого, но не единственнымъ и не послѣднимъ, а въ планѣ Божьяго храмостроительства лишь фундаментомъ для будущаго христіанскаго храма.

Это роковое заблужденіе еврейства, стоившее ему безпримѣрныхъ страданій и униженій, обнаружилось при судѣ надъ Христомъ, но оно существовало въ скрытомъ видѣ и раньше. Ученіе фарисеевъ было лживо, не только потому, что оно привело къ распятію Христа, но и само по себѣ, потому что смѣшивало человѣческое съ Божескимъ, ставило на мѣстѣ Бога свое пониманіе Бога, и вело къ надменности, къ самодовольствію, къ лицемѣрію. Оправданіе фарисеевъ въ ихъ невѣдѣніи. Они въ самомъ дѣлѣ не вѣдали, не понимали тайны тріединства и вполне добросовѣстно считали свое математическое единство исключительно истиннымъ, эскоммуникативнымъ. Но у христіанъ такого оправданія не было бы. Труднѣйшій и почти неразрѣшимый въ другихъ религіяхъ вопросъ о свободѣ совѣсти разрѣшается въ христіанской мистикѣ легко и естественно. Ибо въ основѣ христіанства легло различеніе между Божескимъ и человѣческимъ. Христіанство—единственная въ мірѣ религія, которая начала

свое бытіе не съ отрицанія существовавшаго раньше закона, но съ его утвержденія: „Не нарушить пришьель я законъ, но исполнить“. Законъ самъ по себѣ единъ и экскоммуникативенъ: „доколѣ не преидеть земля и небо, ни одна іота или ни одна черта не преидеть изъ закона, пока не исполнится все“. Но глубина человѣческаго пониманія измѣнчива, человѣческая праведность мѣняется. „Ибо, говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное“. И тутъ же Христось показываетъ, какъ должны быть углублены и преображены древнія заповѣди.

Такимъ образомъ, отношеніе христіанина къ закону, обрядамъ, догматамъ и даже къ словамъ и заповѣдямъ Христа, покоится на какой-то мистической двойственности, на освобождающемъ различеніи Божескаго и челсвѣческаго. Это, конечно, не значитъ, что религіозное чувство христіанина стоитъ на шаткой почвѣ или внутренне расколото. Нѣтъ. Христіанинъ относится къ своей вѣрѣ, какъ чловѣкъ относится къ жизни. Каждому изъ насъ его жизнь, его дыханіе дороже всего въ мірѣ, дороже всего міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю, что моя жизнь—ограниченная и временная, и что помимо нея, есть еще другая—вѣчная, божественная жизнь, соучастникомъ которой я могу стать только волею Бога. Поэтому моя жизнь не исключаетъ другихъ жизней на землѣ, а скорѣе предполагаетъ ихъ. Таково же отношеніе христіанина къ своей вѣрѣ. Православная церковь блюдетъ чистоту своихъ догматовъ и обрядовъ, какъ величайшее сокровище духа, и никогда отъ нихъ не отречется, ибо они—отраженіе въ чловѣкѣ Бога. Но переступить черту, отдѣляющую

отраженіе отъ источника свѣта, считать свое пониманіе Бога столь же абсолютнымъ, какъ самое бытіе Бога,—церковь уже не можетъ подь страхомъ очутиться на томъ пути мыслей и чувствъ, который привелъ къ осужденію Спасителя міра,—подь страхомъ сдѣлаться соучастницей въ распятіи Христа. Достаточно одной этой мысли, одного этого опасенія, чтобы преслѣдованіе ересей другимъ оружіемъ, кромѣ оружія слова и убѣжденія, стало навсегда невозможнымъ. Какъ бы ересь ни казалась намъ бессмысленной и кощунственной, мы должны помнить, что это—человѣческая ложь въ сравненіи съ нашей истиной—тоже человѣческой, что я вправѣ не хотѣть ея для себя, но признать ее абсолютнымъ зломъ, подлежащимъ искорененію, я не смѣю, ибо тогда я берусь за дѣло Божіе. Рядомъ съ этой ложью и моею истиною, есть еще истина вѣчная Божеская, а кто передъ ней окажется правъ—отъ меня сокрыто. Съ высоты Голгоѣы раздается голосъ, обращенный къ каждому изъ насъ и говорящій: кто бы ты ни былъ, знай, что на человѣческой нивѣ ты не сѣятель и не жнецъ, а лишь колосъ въ числѣ другихъ колосевъ, и что полнота или пустота твоя опредѣлится не тобою, а Хозяиномъ жатвы, когда настанетъ опредѣленный Имъ срокъ. Знай, что ты не строитель и не господинъ храма, а лишь одинъ изъ кирпичей въ рукахъ вѣчнаго храмостроителя; и тебѣ даже не извѣстно, лицевой ли ты кирпичъ, или обреченный лечь въ темномъ углу. Все надменное, самоувѣренное, самодовольное—все то, что Христось назвалъ закваской фарисейской, чуждо христіанству. Прошеніе Господней молитвы о дарованіи намъ хлѣба на каждый день, относится не только къ хлѣбу тѣлесному, но и

духовному. Подобно хлѣбу, и религіозная истина и святость дается намъ не вся сразу, а на каждый день, по мѣрѣ нашихъ потребностей и силъ, сообразно нашимъ личнымъ и національнымъ особенностямъ. И тутъ завтрашній день заботится самъ о себѣ.

Въ христіанствѣ нѣтъ корней для фанатизма. Если же исторія являетъ намъ примѣры жесточайшихъ преслѣдованій во имя Христа, то это лишній разъ доказываетъ, что истина дается людямъ на каждый день и что даже пониманіе истиннаго духа христіанства не имманентно церкви, а развивается въ ней постепенно. Но въ своемъ идеалѣ христіанство—религія открытаго слуха. „Имѣющій уши да слышитъ“, — говоритъ Христосъ, въ противоположность фарисеямъ, которые были увѣрены, что уши даны для того, чтобы затыкать ихъ. Христіанство по преимуществу религія внутренняго простора. Въ ней безконечное количество обитателей. Истина христіанская—гибкая, вьющаяся, какъ виноградная лоза, всеохватывающая, приспособляющаяся ко всѣмъ особенностямъ, расовымъ, культурнымъ и даже экономическимъ. Вотъ чѣмъ объясняется изобиліе и безконечное разнообразіе сектъ въ христіанствѣ и вотъ почему въ каждой почти сектѣ рядомъ съ религіознымъ минусомъ, съ духовной убылью, скрывается какой-нибудь житейскій плюсъ, въ видѣ ли побужденія къ трезвой жизни или стимула къ трудолюбію, или развитія чувства личности. Вселенская церковь, въ сознаніи своей правоты и прямоты, должна смотрѣть на эти секты, какъ на окольные проселочные пути, которыми отсталые и заблудшіеся пробираются къ посильному спасенію. Чѣмъ больше протоптано такихъ окольныхъ путей, тѣмъ болѣе церковь должна приложить стараній

къ уравненію большаго пути спасенія, къ тому, чтобы народъ въ своей собственной церковной общинѣ нашель и примѣръ воздержной жизни, и стимуль къ труду, и дрожжи для развитія личности. Но если бы даже церкви казалось, что окольные пути сектантства ведутъ назадъ, она вправѣ считать свой приговоръ истиннымъ лишь для себя, а не для Бога, пути Котораго неисповѣдимы. Единственный врагъ церкви, это — атеизмъ, игнорированіе святыни, молчаніе о святынѣ, но вѣдь съ этимъ врагомъ возможна борьба лишь идейная, духовная. Презрѣть же какой-нибудь голосъ, говорящій о Богѣ или лепечущій о Богѣ, церковь не можетъ. Не церкви пристало быть обвинительницею или доносительницею тамъ, гдѣ люди молятся, хотя бы они молились по своему. Не церкви производить экспертизу молитвенныхъ слезъ. Самое величіе церкви обязываетъ ее къ нѣкоторому самоограниченію. Чѣмъ церковь совершеннѣе, чѣмъ больше заключено въ ней вѣчной правды Божіей, тѣмъ менѣе основаній имѣеть она опасаться человѣческихъ лжеученій. И православная церковь, въ сознаніи своего совершенства, чистоты своихъ догматовъ, мудрости своего устройства, святости своихъ цѣлей, должна дать всему міру примѣръ столь же совершенной, ничѣмъ не ограниченной вѣротерпимости.

Но есть еще и другая причина, болѣе высокаго порядка, которая не позволяетъ церкви относиться съ одинаково суровымъ, предвзятымъ осужденіемъ ко всѣмъ происходящимъ за ея оградой религіознымъ броженіямъ. Все, что церковь можетъ сдѣлать по отношенію къ извѣстной религіозной идеѣ, это — опредѣлить, заключена ли она въ православіи или нѣтъ. Но даже

изъ того, что идея оказывается новою, еще не слѣдуетъ, что она должна быть признана лживой, а тѣмъ болѣе зловредной. Для этого необходимо, чтобы идея шла въ разрѣзъ съ православіемъ, отмѣняла или нарушала законъ и догматы. Если же она не нарушаетъ, а восполняетъ законъ, то она по разсмотрѣнїи даже можетъ быть принята или допущена церковью. Сущность христіанства заключается не только, какъ я сказалъ выше, въ открытомъ слухѣ, во внутреннемъ просторѣ, въ приспособляемости ко всѣмъ условіямъ жизни, но (что всего важнѣе, что, можетъ быть, единственно важно) — въ неизсякаемости религіознаго творчества. Христіанство—это храмъ неветшающій и, слѣдовательно, никогда не достроенный, ибо все, переставшее расти, начинаетъ ветшать. Въ древнемъ законѣ, не отмѣненномъ, но исполненномъ, таились, какъ въ землѣ алмазы и золото, пророчества и откровенія, долгое время незримыя. Но развѣ это самое не примѣнимо и къ Новому завѣту? Кто дерзнетъ сказать, что слова Евангелія похожи на перемытый рудничныи песокъ, изъ котораго извлечено до послѣдней крупицы все заключенное въ нихъ золото, вся истина? Кто дерзнетъ сказать про себя, что онъ мудрѣе патріарховъ и пророковъ? Если мы счастливѣе ихъ тѣмъ, что искуплены божественною кровью, то они были праведнѣе насъ и говорили съ Богомъ. А между тѣмъ всѣ они жили въ храмѣ не достроенномъ, жили „наканунѣ“, а не подъ вечеръ дня. Изъ того, что сказалъ Христосъ, что сказано о Христѣ, не пройдетъ ни одна іота и ни одна черта, пока все не исполнится. Но великій потокъ исторїи куда-нибудь да несетъ же насъ, и чтобы не отчаяться, нужно вѣрить, что онъ приближаетъ насъ къ понима-

нію Христовой истины. Слова „имѣющій уши да слышитъ“ относятся не только къ пророчествамъ, уже сказаннымъ. Къ прошедшему и фарисеи не были глухи, и однако они осуждены.

О томъ, что пророчества не замолкли и откровенія не изсякли, свидѣтельствуетъ и самый планъ построенія Евангелія. Древній законъ былъ чѣмъ-то законченнымъ, дописанной книгой, *τα Βιβλία*. Евангеліе— не книга; оно вѣчное отрицаніе книги, книжничества, книжниковъ. Евангеліе начинается не съ разказа, а съ пророчества; кончается не повтореніемъ сказаннаго, а новымъ откровеніемъ; ведетъ не въ тупикъ, а на высоту, нависшую надъ бездною—на высоту Апокалипсиса, не защищенную оградой и столь опасную, что церковь боится за своихъ дѣтей и предупреждаетъ ихъ не подходитъ слишкомъ близко къ краю. Но оттуда каждый мигъ могутъ раздаваться голоса, даже не предваряемые громомъ и молніей, а при самой обыкновенной житейской обстановкѣ.

Говоря о религіозномъ творествѣ, я въ сущности отступаю отъ вопроса о терпимости по отношенію къ расколосектанству, но вѣдь въ свободѣ совѣсти нуждаются не одни сектанты. Помимо сектантскихъ броженій въ народѣ, въ послѣднее время въ Россіи зародилось новое религіозное движеніе и среди интеллигенціи. Часть русской интеллигенціи изъ сумерекъ всеобщаго безбожія или безразличія хочетъ вернуться въ свѣтъ мистическаго познанія. Эти возвращающіеся обуреваемы истиннымъ религіознымъ пыломъ, но безъ закваски сектантства: они обращены къ церкви не спиною, а лицомъ. Между тѣмъ на ихъ пути много преградъ. Правда, имъ не угрожаютъ штрафы и ссылки,

но ихъ ждетъ прежде всего могильная яма цензуры, свѣтской и духовной. Ибо они хотя и возвращаются къ мистическому познанію, но не съ пустыми руками, а съ дарами культуры, съ дарами свободной научно-фило-софской мысли и свободнаго искусства, которые они хотятъ внести за ограду религіи, чтобы освятить ихъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о нежеланіи смириться, о личной гордынѣ. Отдѣльные лица могли бы, конечно, отречься отъ своихъ культурныхъ притязаній и войти въ храмъ, чтобы смѣшаться съ толпой. Но они знаютъ, что вслѣдъ за ними придутъ другіе съ тѣми же дарами свободомыслія и культуры, которыхъ некуда дѣ-вать, некуда бросить, которые необходимо освятить. Въ послѣднія два столѣтія въ психологіи людей совер-шился коренной переворотъ: человѣческой разумъ от-рѣшился отъ внѣшняго авторитета. Сперва опьянен-ному своей свободой разуму казалось даже, что храмъ религіи опустѣлъ. Но эта пора скоро миновала, и Га-ллилеянинъ еще разъ побѣдилъ. Великія тайны иску-пленія міра Божественной жертвой, воскресенія какъ чаянія, и святости какъ цѣли,—опять загорѣлись надъ нами, и разумъ послужилъ лишь къ тому, чтобы постичь эти тайны не только во внѣшнемъ, но и во внутреннемъ откровеніи. Явилось какое-то новое отно-шеніе къ завѣту Христа, новое прозрѣніе прежнихъ таинствъ и догматовъ, и отъ этого отношенія возвра-щающіеся при всемъ желаніи не могутъ уже отка-заться—все равно какъ они не могли бы отказаться отъ данныхъ астрономіи и геологіи и не считать возраста земли милліонами лѣтъ. Между тѣмъ на заставѣ цен-зуры пропускаются только идеи старыя. И вслѣдствіе этого мы присутствуемъ при странномъ явленіи: цер-

ковъ ведетъ борьбу съ тѣми, кто, въ борьбѣ съ безбожіемъ, стремится возродить въ людяхъ атрофированное религіозное познаніе.

Я вполне понимаю, что прежде чѣмъ предоставить свободу совѣсти народу и интеллигенціи, прежде чѣмъ отказаться отъ оружія внѣшняго авторитета, церковь можетъ испытывать нѣкоторое колебаніе: Не преждевременно ли? Не опасно ли? Практично ли? На эти вопросы всего убѣдительѣе могла бы отвѣтить сама жизнь. Въ Европѣ опытъ со свободой совѣсти пережить до конца. Католичество непоколебимо стояло за авторитетъ церкви, отвергая свободу совѣсти, какъ преступную слабость. Она признала духъ свободы и внутренняго откровенія враждебнымъ себѣ, изгнала его изъ ограды церковной, не дала ему стать религіознымъ. И вотъ, когда онъ вдали отъ церкви набрался силъ и почувствовалъ свое могущество, онъ обратился на церковь уже какъ врагъ, какъ болѣе сильный, беспощадно мстящій врагъ. Нашъ геніальный Тютчевъ понялъ, что ничто не окажется столь пагубнымъ для католическаго Рима, какъ отрицаніе имъ свободы совѣсти:

Столѣтья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темныя дѣла;
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.

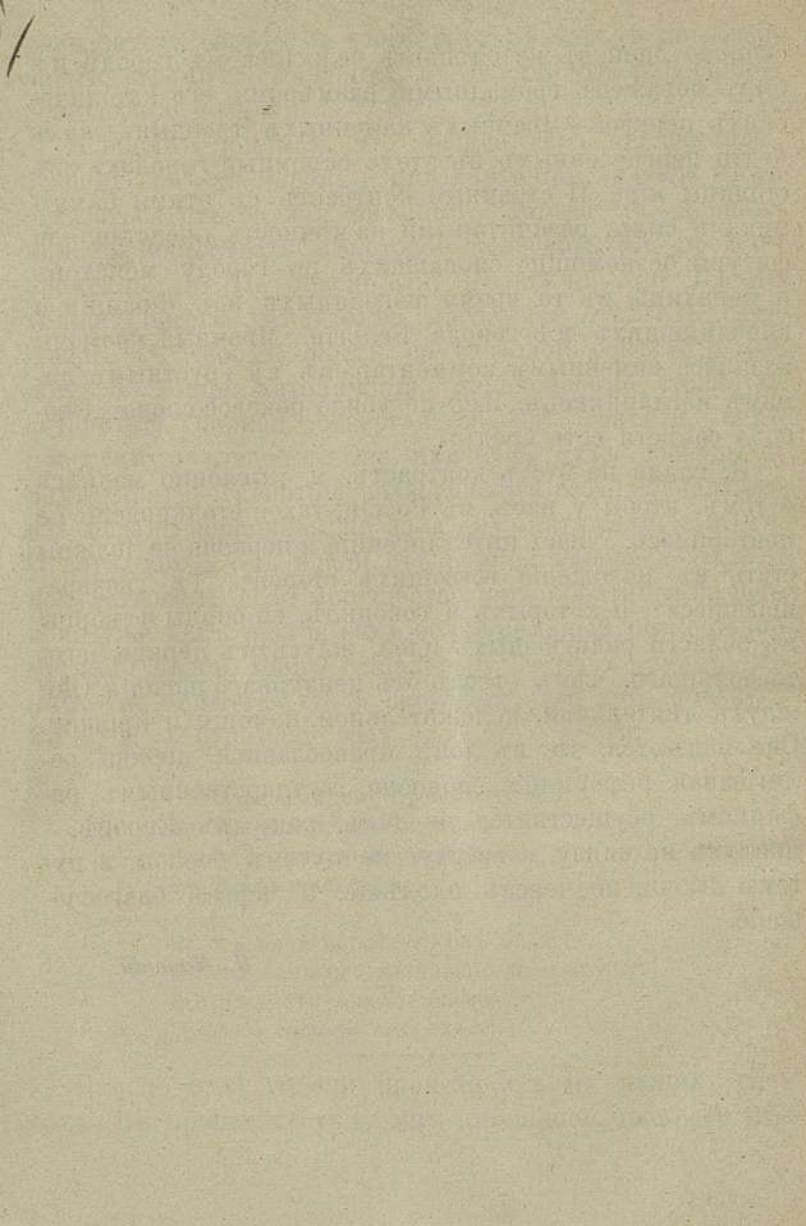
Не отъ меча погибнетъ онъ земного,
Мечемъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ!
Его погубить роковое слово:
„Свобода совѣсти есть бредъ“.

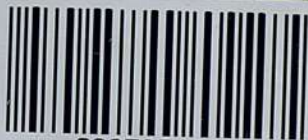
Начало этой гибели происходитъ на нашихъ глазахъ. Въ прошломъ году мнѣ пришлось провѣсти нѣ-

сколько дней въ небольшомъ бельгійскомъ городѣ и я былъ пораженъ громадными размѣрами его католическихъ церквей—мрачныхъ каменныхъ твердынь, какъ будто перенесенныхъ въ этотъ скромный городокъ изъ столицы міра. И странный контрастъ съ этими памятниками силы, рассчитанными на вѣчность, представляли фигуры безпомощно сновавшихъ по городу монаховъ и монахинь, въ то время изгнанныхъ изъ Франціи и наводнившихъ все города Бельгіи. Мрачныя громады казались каменнымъ комментариемъ къ грустнымъ лицамъ изгнанниковъ. Ихъ погубило роковое слово: „Свобода совѣсти есть бредъ“.

И, глядя на этотъ контрастъ, я мысленно молился о томъ, чтобы у насъ, въ Россіи, такое столкновение не повторилось. У насъ интеллигенція и церковь не должны стать въ положеніе воюющихъ сторонъ. Тѣ „возвращающіеся“, о которыхъ я говорилъ, тѣ борцы и творцы въ области религіозныхъ идей, ждуть отъ церкви чего-то большаго, чѣмъ отказъ отъ цензурнаго насилія. Они ждуть дѣятельной, положительной помощи и пріязни. Они надѣются, что въ лонѣ православной церкви религіозная реформація, подобно государственнымъ реформамъ, осуществится не такъ, какъ въ Европѣ,— придутъ не снизу, а сверху, не путемъ борьбы, а путемъ любви, не черезъ одолѣніе, а черезъ благословеніе.

Н. Минскій.

2007054660